

Надежда Михайловна Киселева

Омский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры немецкого языка и межкультурной коммуникации, Омск, Россия
e-mail: kisseljova.nadja@mail.ru

Яна Львовна Горшенина

Омский государственный педагогический университет, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры немецкого языка и межкультурной коммуникации, Омск, Россия
e-mail: evangelina7@mail.ru

Светлана Юрьевна Полуйкова

Омский государственный педагогический университет, кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры немецкого языка и межкультурной коммуникации, Омск, Россия
e-mail: s_poluikova@mail.ru

Надежда Николаевна Чичерина

Омский государственный педагогический университет, кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры немецкого языка и межкультурной коммуникации, Омск, Россия
e-mail: chicherina-nadezda@yandex.ru

**Ономасиологический аспект отражения абстракций
в немецкой и русской разговорной метафорике**

Аннотация. В статье затрагивается ономасиологический аспект немецкой разговорной метафорике в сопоставительном плане, сравнивается отражение абстрактных понятий в немецком и русском повседневном общении. Сопоставительный исследовательский подход позволяет выявить этноспецифические языковые картины мира носителей обоих языков, а также установить ассоциативные универсалии в метафорическом мировосприятии. Предметом изучения в данной статье становится ранее неизученная группа разговорных переносов имени с конкретного на абстрактное. Анализируется также коннотативный аспект разговорных обозначений наиболее значимых в быту абстракций.

Ключевые слова: ономасиологический анализ, абстрактное понятие, метафора, коллоквиализм, этноконнотации.

Nadezhda M. Kiseleva

Omsk State Pedagogical University, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of German Language and Intercultural Communication, Omsk, Russia
e-mail: kisseljova.nadja@mail.ru

Yana L. Gorshenina

Omsk State Pedagogical University, Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of German Language and Intercultural Communication, Omsk, Russia
e-mail: evangelina7@mail.ru

Svetlana Yu. Poluikova

Omsk State Pedagogical University, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of German Language and Intercultural Communication, Omsk, Russia
e-mail: s_poluikova@mail.ru

Nadezhda N. Chicherina

Omsk State Pedagogical University, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of German Language and Intercultural Communication, Omsk, Russia
e-mail: chicherina-nadezda@yandex.ru

Onomasiological Aspect of Reflection of Abstractions in German and Russian Colloquial Metaphorics

Abstract. The article touches upon the onomasiological aspect of German colloquial metaphors in comparative terms, compares the reflection of abstract concepts in German and Russian everyday communication. The comparative research approach makes it possible to reveal the ethnic originality of the linguistic picture of the world of the speakers of both languages, as well as to establish associative universals in the metaphorical worldview. The subject of study in this article is a previously unexplored group of colloquial name transfers from the concrete to the abstract. The connotative aspect of colloquial designations of the most significant abstractions in everyday life is also analysed.

Keywords: onomasiological analysis, abstract concept, metaphor, colloquialism, ethnoconnotations.

Введение (Introduction)

Лексика разговорной речи представлена разнообразными в стилистическом плане группами слов и выражений. Безусловно, нейтральная лексика — основа для общения в любой сфере коммуникации, в том числе и в повседневном обиходе. Разговорный язык располагает также арсеналом собственных лексических средств, отличающих его от прочих функциональных проявлений языка. В данном случае речь идет о так называемых коллоквиализмах — словах, рожденных разговорной речью и предназначенных лишь для неофициального общения. Кроме того, в разговорной речи носители любого языка зачастую прибегают к использованию вторичной номинации, позволяющей старым именам присваивать новые значения и компенсирующей недостаток обозначений для бесчисленного мира окружающих нас предметов. Метафорическая либо метонимическая форма ее реализации основывается, в свою очередь, на способности человеческого сознания устанавливать ассоциативные связи между объектами материальной и нематериальной природы. В результате метафорического сопоставления гетерогенных по своей сущности конкретных и абстрактных предметов возникают очень яркие образы, обращающие на себя внимание исследователей и в когнитивном, и в лингвокультурологическом, и в лексико-семантическом плане. Объектом изучения в рамках настоящей статьи становится группа узуальных немецких метафорических наименований абстрактных понятий в сопоставлении с русскоязычными аналогами. Общеупотребительные метафорические переосмысления — репрезентанты языковой картины мира своего народа, поскольку, по замечанию М. Блэка, как для метафорообразования, так и для восприятия языковой метафоры чрезвычайно важно наличие «общепринятых ассоциаций» [1, с. 164]. Интересно проследить тождества и различия в отражении наиболее частотных в повседневной коммуникации абстракций в немецком и русском языках. Надо отметить, что данный аспект прежде не был освещен в научной литературе, что говорит об актуальности и своевременности проведенного нами сопоставительного анализа.

Методы (Methods)

В современной науке отмечена высокая активность в изучении как метафоры, так и разговорной речи. Необходимо заметить, что в отличие от разговорной речи, находившейся продолжительное время на периферии научных изысканий и лишь в последние десятилетия обратившей на

себя серьезное внимание ученых [2], интерес к метафоре не угасает уже на протяжении более двух тысячелетий. Изучению подверглись практически все стороны этого языкового явления: история самого понятия «метафора» и история его теоретического изучения [3, с. 9–17], метафорический процесс, его участники и закономерности [4], типология метафор [5], когнитивный характер метафорического мировосприятия [6], наконец, основные аспекты значения слова и особенности его функционирования в языке и речи [7]. В русле последнего исследовательского направления нами будет рассмотрен вопрос метафорического переосмысления абстрактных понятий в немецком разговорном языке в сопоставлении с русскими разговорными обозначениями аналогичных абстракций. Анализ разговорных номинаций проводился нами на синхронном уровне с использованием в основном ономазиологического подхода к рассмотрению материала, предусматривающего изучение номинативных возможностей для обозначения абстрактных денотатов. Привлекался также семасиологический анализ, позволяющий установить связь между источником и целью метафорического переименования, а также оценить спектр коннотативных элементов семантики такого рода метафор. Иногда вскрытие связей между значениями слова требовало диахронического анализа и обращения к этимологии лексической единицы. Наконец, для интерпретации собранных языковых фактов использовался контекстологический анализ, ведь метафорическое значение как продукт вторичной номинации способно себя актуализировать только лишь в вербальном либо ситуативном контексте.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

По замечанию Р. Хофмана, «метафора исключительно практична... где бы она ни встретилась, всегда обогащает понимание человеческих знаний и языка» [1, с. 6]. Именно эта особенность метафорического мировосприятия привлекает современных лингвистов. Метафоры очень востребованы в немецкой разговорной речи, в ее лексиконе они как заполняют номинативные лакуны, так и выступают в качестве стилистически окрашенных синонимов нейтральных лексических единиц, на метафорической основе образуется большинство коллоквиальных фразем. Для наименования абстрактных «высоких» понятий разговорный язык очень редко обращается к нейтральной абстрактной лексике в силу преимущественно «приземленного» характера повседневного общения. Чаще он метафорически использует имена конкретных предметов, через призму которых

дается более точная наглядная характеристика абстракции, выражающих отношение к предмету вторичной номинации, например его оценку. Разнородность сопоставляемых объектов в таком типе переноса обуславливает яркость образуемых в результате переименования образов, которым к тому же свойственно этносовоеобразие.

Напомним, что абстрактные имена существительные призваны выражать понятия, в которых «отображен не данный предмет как таковой, а какое-либо свойство предметов, отвлеченное от самих предметов» [8, с. 12]. В ходе проведенного анализа более 70 метафорических обозначений абстракций, выбранных нами из «Немецко-русского словаря разговорной лексики» В. Д. Девкина [9] и «Словаря метафор немецкой разговорной речи» Н. М. Киселевой [10], было установлено, что к наиболее заметным в ономаσιологическом плане абстракциям относятся следующие три актуальные для повседневной жизни человека реалии:

1. «Бесмыслица» именуется в русской разговорной речи целым рядом синонимичных имен существительных, например, такими, как *челуха*, *ерунда*, *чушь*, *вздор*, *ересь*, *ахинея*, *дичь*, *бред*, *галиматья*, *враки* [11, с. 424–431]. Современными носителями русского языка эти слова воспринимаются как абстракции, хотя в затемненной этимологии некоторых из них можно обнаружить следы метафоризации (например, слово *челуха*, возможно, восходит к рязанскому слову *сопуха* «сажа»).

Немецкий разговорный язык использует для обозначения этого понятия хорошо известный узуальный коллоквиализм *Quatsch*, производное посредством субстантивации имя существительное, образованное от глагола *quatschen*, что означает «болтать», «сплетничать». Помимо него в разговорном немецком языке нами зафиксировано еще семь метафорических обозначений ерунды. Использование некоторых из них относительно этого негативного по человеческим меркам понятия логически вполне объяснимо, поскольку первичные денотаты этих номинаций обозначают низкосортные вещи, товары или даже отходы, например: *Tinnef* (товар низкого качества, барахло), *Kram* (неодобр. вещи, хлам), *Schrott* (утиль), *Asche* (пепел). Слово *Zeug* (вещь) благодаря своей диффузной семантике может в несобственном вторичном значении также обозначить бесмыслицу, но только в сопровождении уточняющего эту семантику эпитета — *albernes Zeug reden* (говорить глупые вещи) (здесь и далее перевод наш. — Н. К., Я. Г., С. П., Н. Ч.).

Любопытно в лингвокультурологическом и сопоставительном плане использование для обозначения ерунды немецкой разговорной речью наименований таких продуктов питания, как *Käse* (сыр) и *Quark* (творог), например: *Red nicht solchen Quark!* — Не говори такой челухи! / *Das ist doch alles Käse!* — Это всё чушь! Объяснение выбора немецким разговорным языком для малоприятного понятия имен жизненно важных для человека продуктов питания трудно объяснить. *Käse* и *Quark* как разновидности сыра известны германцам с VIII–IX вв., а их вторичное значение «вздор» появилось лишь в XVI в. В этом случае следует признать генетическое свойство метафор быть порой непредсказуемыми, загадочными и оригинальными наименованиями, поскольку установить ассоциативную основу метафори-

ческого переноса имени в данном случае не представляется возможным.

Довольно частотное использование в быту слова *Kohl* (капуста) применительно челухи. Эта лексема в своем вторичном значении является, по нашей оценке, псевдометафорой, так как, по всей видимости, мы имеем дело с омонимией, хотя в современных словарях немецкого языка упомянутые значения этой номинации рассматриваются как лексико-семантические варианты одной полисемичной лексемы, которые, исходя из этого восприятия слова, включаются в одну словарную статью. По версии немецкого этимологического словаря [12], у данных семем, вероятно, всё-таки разное происхождение: *Kohl 1* (капуста) произошло от древневерхненемецкого *kōl*, а *Kohl 2* (челуха) — от еврейского *gol* (слух, сплетня). Например: *Was redest du da für Kohl! Schon gut, dass das kein Fremder hört.* — Что ты тут говоришь, это чушь! Хорошо, хоть чужие люди этого не слышат.

Единичные обозначения продуктов питания используются в немецком языке и относительно других абстракций: *Pfeffer* — 1. Перец. 2. Изюминка, эмоциональный огонек / *Kuchen* — 1. Пирог. 2. Бюджет, доход. В таком словоупотреблении прослеживается определенная аналогия с русской разговорной речью, о чём свидетельствует знакомый носителю русского языка контекст перевода следующих немецких фраз: *Die Sendung hatte keinen Pfeffer.* — У передачи не было изюминки; *Auch ausländische Konzerne wollen am Kuchen mitnaschen.* — Иностранные концерны тоже хотят полакомиться этим пирогом. Несмотря на то, что ассоциативная основа для переосмысления кулинарных имен всё-таки преимущественно этноконнотативирована, она в целом логична, а потому понятна для иноязычного реципиента, обязательно анализирующего механизм новых для себя метафорических сопоставлений, которые для носителей данного языка представляются стертыми потухшими образами. К примеру, неприятность в быту немцы называют *Sauce/Soße* (соус) — действительно, пролитый за столом соус оборачивается для неаккуратного пользователя большой неприятностью: *Der Schlüssel ist verloren gegangen. Jetzt haben wir die Sauce.* — Ключ потерялся. Вот тебе и неприятность.

Интересно, что в немецкой разговорной метафорике, которая активно задействует бытовую лексику, не так много метафорически используемых свободных обозначений продуктов питания, например: *Blunze* — бав., австр. 1. Кровавая колбаса. 2. Толстуха / *Fleischkloss, Fleischklumpen* — разг. 1. Большой кусок мяса. 2. неодобр. Толстяк, «боров». Но кулинарные лексемы широко используются в немецкой разговорной фразеологии, использующей их отчасти для именования абстракций [13, с. 175–181], например: *in eine böse Suppe kommen* (досл. зайти в злой суп — разг. нарваться на неприятности) и др.

2. «Неудача», «неприятность» и «ошибка» представляют собой семантически сопряженные понятия, которые знакомы любому человеку, на что живо реагирует разговорная речь обоих языков. В «Словаре русских синонимов» Н. Абрамова мы находим внушительный перечень синонимов со значением оплошности [14]. Метафоричными и разговорными, по нашей оценке, выступают следующие номинации:

погрешность, косяк, просчет, промах, накладка, неувязка. Последние три лексемы зачастую могут использоваться в своих диминутивных формах как литоты с контекстуально полярными оценочными коннотациями (*неувязочка, накладочка* и т. д.).

Носителям немецкого языка данная абстракция видится несколько по-другому, она связывается скорее с последствиями ошибки, а не с ее механизмом как в русском языке, хотя, надо признать, что одно отглагольное имя существительное с процессуальной семантикой в немецкой разговорной метафорике относительно этого понятия всё же обнаружено: *Ausrutscher* — разг. 1. Падение [поскользнувшись]. 2. Промах, срыв. Очень символично именуется грубую ошибку немецкая лексема *Hammer* (молот(-ок)), ассоциативной основой, по всей видимости, становится обида и боль и от неосмотрительного удара молотком, и от непростительной ошибки. «Технически» предстает в немецкой разговорной речи ошибка/недоразумение, выраженная лексемой *Fehlzündung* (мех. ошибочное зажигание), например: *Dass er so geantwortet hat, war bei ihm bestimmt eine Fehlzündung.* — То, как он ответил, определенно, какое-то недоразумение.

Аналогично, технической номинацией, обозначается неудача в немецком разговорном языке, который ассоциирует ее с технической поломкой, используя имя этого понятия — *Panne*, например: *Er hatte beim Examen eine Panne.* — На экзамене ему не повезло. Нами отмечена также традиционная для данной ситуации лаконичная и фонетически резкая благодаря краткости гласного однослоговая лексема *Pech* (смола), что очень важно в плане эмфатического самовыражения: *So ein Pech! — Что за неудача!* Данный перенос, на наш взгляд, имеет не только формальное, но и семантическое обоснование: наступить в смолу нежелательно, поскольку устранить ее следы после этого, как известно, весьма затруднительно. Что касается детерминологизации хорошо известных технических обозначений, то в немецкой разговорной речи это один из заметных способов метафорического переосмысления, в том числе и абстрактных понятий. Например: *Klemme* — 1. мех. Зажим; клемма. 2. разг. Беда, нужда: *Wie soll ich mich bloss aus der Klemme ziehen?! — Как же мне только выбраться из этой беды?! Ср. также: Draht* — 1. Проволока; провод. 2. разг. Связь, контакт: *Ich habe völlig den Draht zu ihm verloren.* — Я полностью потерял с ним связь.

3. «Нагоняй» — еще одно понятие, которое в русском разговорном языке получает невероятное количество сходных по смыслу в основном отглагольных коллоквиальных и переосмысленных обозначений разных стилистических регистров, от фамильярного до вульгарного: *взбучка, встряска, трепка, разгон, разнос, втык, вздрючка, нахлобучка, выволочка* и др. Многие из них имеют метафорическую природу, например: *распекание, трепанация, фитиль, пистон, баня, головомойка* и др.

Немецкий разговорный язык в этом смысле несколько сдержаннее и по количеству, и по спектру заимствованных из других коммуникативных сфер метафорических имен для понятия «нагоняй». Их также можно подразделить на существительные с процессуальной семантикой и предметные обозначения, например: *Abreibung* — 1. Обтирание.

2. разг. Взбучка; *Anpiff* — 1. спорт. Свисток к началу игры. 2. фам. Втык: *einen Anpiff bekommen* — получить втык. В ходе сопоставительного анализа в этой понятийной сфере зафиксирована лишь одна ассоциативная параллель с русским языком, а именно лексема *Kopfwäsche* — 1. Мытьё волос. 2. разг. Нагоняй: *eine ordentliche Kopfwäsche bekommen* — схлопотать хорошую головомойку. Несмотря на формальную похожесть русской и немецкой лексем, они не могут рассматриваться как эквиваленты. Если немецкая лексема сохранила в своей семантике связь между первичным и метафорическим значениями и речевую актуальность обеих семем, то русская *головомойка* утратила, «погасила» образ денотата (ср. *мытьё головы*), служившего источником метафорического обозначения, она используется и воспринимается в настоящее время исключительно как экспрессивный коллоквиализм.

Особо хотелось бы сделать акцент еще на одном «загадочном», а потому метафорическом наименовании нагоняя в немецкой разговорной речи — на слове *Zigarre*. Исходное значение этого интернационализма общеизвестно, тем таинственнее для русскоязычного человека звучит такого рода метафорическое высказывание: *Er hat für seine schlechte Arbeit eine Zigarre bekommen.* — досл. Он получил за свою плохую работу сигару. Не зная метафорического этноконнотативного значения этой лексемы можно предположить иронию, однако *Zigarre* в данном случае обозначает именно взбучку, объяснение этому феномену сокрыто в этимологии вторичной номинации, о которой современный носитель немецкого языка как родного может не догадываться. По данным немецкого этимологического словаря, переносное значение слова *Zigarre* пришло в немецкую разговорную речь из солдатского жаргона Первой мировой войны: тогда сигара, которую младшему по званию предлагал офицер, символизировала предстоящий неприятный разговор.

Помимо представленных многочисленно и многообразно метафорически именуемых абстракций немецкая разговорная речь имеет немало единичных образных наименований важных для человека понятий, которые используются в повседневной коммуникации, заменяя литературные обозначения и делая понятия более осязаемыми. При этом нами фиксируются редкие параллели с русскими аналогами, еще реже эквиваленты, например: *Ader* — 1. Вена, артерия. 2. разг. Склонность: *Sie hat eine dichterische Ader.* — У нее есть поэтическая жилка. *Krallen* — 1. Коготь. 2. перен. разг. Лапы [власть]: *Die Angst ließ ihn nicht mehr aus den Krallen.* — Страх не выпускал его из своих когтей. *Hintertür* — 1. Задняя дверь. 2. перен. разг. Лазейка: *Er hat sich offen eine Hintertür gehalten.* — У него всегда есть лазейка наготове и др.

Немало в проанализированном материале абсолютных уникальных немецкоязычных метафор, например: *Fahrplan* — 1. Расписание движения. 2. разг. План, намерение; *Masche* — 1. Петля. 2. разг. [Ценная] идея, уловка. Этимологический словарь предполагает происхождение абстрактного значения последнего слова из охотничьего жаргона, в котором оно обозначает сеть для ловли зверей, и этим фактом, предположительно, мотивировано современное метафорическое значение, например: *Die Gauer*

versuchten es mit einer neuen Masche. — Мошенники испробовали новую уловку.

Хотелось бы остановиться еще на одной важной черте немецкоязычных разговорных метафор анализируемой группы, а именно на коннотативном аспекте их семантики. В результате номинативной ориентации большей части данных переименований на бытовые вещи, воспринимаемые носителями языка как повседневность, без лишних эмоций, сконструированные на их основе немецкие метафорические образы, по нашим наблюдениям, в основном лишены эмотивно-оценочной экспрессии. В сфере переносов «с конкретного объекта на абстрактное понятие» в немецком разговорном языке зафиксирован незначительный процент фамильярных либо пренебрежительных лексем, заметно сниженных в стилистическом плане метафор не установлено. Русская разговорная речь в данном случае обращается чаще к собственным коллоквиальным образованиям, нежели к метафорическим номинациям, которым изначально сопутствует преимущественно пейоративная окраска.

Заключение (Conclusion)

Подводя итог, отметим, что спектр номинаций, именуемых абстрактные понятия в обоих языках, безусловно, много шире и его невозможно отобразить в рамках одной статьи. Задачей авторов было представить основные закономерности в метафорическом переосмыслении и называ-

нии абстракций в немецкой и русской разговорной речи на примере трех наиболее именуемых понятий.

В результате проведенного сопоставительного исследования выяснилось, что в немецкой метафорике для обозначения абстрактных понятий используется кулинарная, техническая, спортивная лексика, что не типично для русской разговорной речи, предпочитающей собственные производные, коллоквиальные имена существительные в основном с процессуальной семантикой, число которых в немецком языке ограничено. В стилистическом плане немецкие разговорные имена абстракций нейтральней, нежели русские, число сниженных, эмоционально-оценочных обозначений абстрактных понятий в немецкой разговорной метафорике минимально.

Ассоциативные связи между конкретным предметом — донором метафорического наименования и абстрактной целью в обоих языках почти всегда объяснимы и логичны, иногда мотивированность переноса этимологически затемнена. Однако носители языка прибегают к подобным «необъяснимым» переносам имени в силу речевой традиции, как к устоявшемуся в определенной ситуации словоупотреблению, не зная либо не вспоминая об исходном образе.

Заклячая проведенный сопоставительный анализ, подчеркнем самобытность метафорического отражения абстракций как в немецкой, так и в русской метафорической картине повседневной жизни, число установленных номинативных аналогий и эквивалентов незначительно.

Библиографический список

1. Теория метафоры : [сб.] / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. 511 с.
2. Разговорная лексика немецкого языка. Из материалов диссертаций под руководством В. Д. Девкина : слов. : в 2 т. Т. 2 : Семантика и прагматика / ред.: И. П. Амзаракова, В. Д. Девкин. М. : Изд-во Моск. пед. гос. ун-та, 2010. 422 с.
3. Шувалов В. И. Метафора в лексической системе современного немецкого языка : моногр. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Изд-во Моск. пед. гос. ун-та, 2019. 247 с.
4. Складаревская Г. Н. Метафора в системе языка / отв. ред. Д. Н. Шмелев. СПб. : Наука : С.-Петербург. изд. фирма, 1993. 150 с.
5. Колесник Т. И., Юркина М. Ю. К вопросу о типологии метафор (на материале немецкого языка) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2018. № 1 (28). С. 91–96.
6. Воеводина Г. А., Турко У. И. Традиционная «картина мира» в языковой метафоре (на материале современных печатных СМИ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 11-2 (89). С. 305–309. DOI: 10.30853/filnauki.2018-11-2.19
7. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М. : Наука, 1975. 720 с.
8. Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Наука, 1988. 174 с.
9. Девкин В. Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики. 2-е изд., стер. М. : Русский язык : РУССО, 1996. 768 с.
10. Киселева Н. М. Словарь метафор немецкой разговорной речи. 4-е изд., стер. М. : Флинта, 2020. 108 с.
11. Шаронов И. А. Слово чепуха и его синонимы в диалогических реакциях // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2010. С. 424–431.
12. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / hrsg. von Pfeifer W. Berlin : Akademie-Verlag, 1989. 1345 s.
13. Киселева Н. М. Об этноспецифичности немецких разговорных фразеологизмов с обозначением продуктов питания // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред.: Н. М. Никонова, Г. П. Урюпина. Омск : Сиб. юрид. ун-т, 2019. С. 175–181.
14. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / под ред. Н. Абрамова. 8-е изд., стер. М. : Русские словари, 2006. 665 с.

References

- Abramov N. (ed.) (2006) *Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazhenii [Dictionary of Russian Synonyms and Similar Expressions]**. 8th ed. Moscow, Russkie slovari Publ., 665 p. (in Russian)
- Amzarakova I. P., Devkin V. D. (eds.) (2010) *Razgovornaya leksika nemetskogo yazyka. Iz materialov dissertatsii pod rukovodstvom V. D. Devkina. Vol. 2: Semantika i pragmatika [Colloquial Vocabulary of the German Language. From the Materials of Dissertations Under the Supervision of V. D. Devkin. Vol. 2: Semantics and Pragmatics]**. Moscow, Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet Publ., 422 p. (in Russian)

- Arutyunova N. D., Zhurinskaya M. A. (eds.) (1990) *Teoriya metafory [Metaphor Theory]**. Moscow, Progress Publ., 511 p. (in Russian)
- Devkin V. D. (1996) *Nemetsko-russkii slovar' razgovornoj leksiki [German-Russian Dictionary of Colloquial Vocabulary]**. 2nd ed. Moscow, Russkii yazyk Publ., RUSSO Publ., 768 p. (in Russian)
- Kiseleva N. M. (2019) Ob ehtnosvoeobrazii nemetskih razgovornykh frazeologizmov s oboznacheniem produktov pitaniya [About the Ethnic Similarity of German Colloquial Phraseological Units with the Designation of Food]*, *Nikonova N. M., Uryupina G. P. (eds.) Aktual'nye problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov [Actual Problems of Linguistics and Methods of Teaching Foreign Languages]**. Omsk, Sibirskii yuridicheskii universitet Publ., pp. 175–181. (in Russian)
- Kiseleva N. M. (2020) *Slovar' metafor nemetskoj razgovornoj rechi [Dictionary of Metaphors of German Colloquial Speech]**. 4th ed. Moscow, Flinta Publ., 108 p. (in Russian)
- Kolesnik T. I., Yurkina M. Yu. (2018) K voprosu o tipologii metafor (na materiale nemetskogo yazyka) [To the Question of Typology of Metaphors (On the Material of German Language)], *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki [Actual Problems of Modern Philology and Journalism]**, no. 1 (28), pp. 91–96. (in Russian)
- Kondakov N. I. (1975) *Logicheskii slovar'-spravochnik [Logical Dictionary-Reference]**. Moscow, Nauka Publ., 720 p. (in Russian)
- Pfeifer W. (ed.) (1989) *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. Berlin, Akademie-Verlag Publ., 1345 s. (in German)
- Sharonov I. A. (2010) Slovo chepukha i ego sinonimy v dialogicheskikh reaktsiyakh [The Word Nonsense and Its Synonyms in Dialogic Reactions]*, *Arutyunova N. D. (ed.) Logicheskii analiz yazyka. Mono-, dia-, polilog v raznykh yazykakh i kul'turakh [Logical Analysis of the Language. Mono-, Dia-, Polylogue in Different Languages and Cultures]**. Moscow, Indrik Publ., pp. 424–431. (in Russian)
- Shuvalov V. I. (2019) *Metafora v leksicheskoi sisteme sovremennogo nemetskogo yazyka [Metaphor in the Lexical System of the Modern German Language]**. 2nd ed. Moscow, Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet Publ., 247 p. (in Russian)
- Sklyarevskaya G. N. (1993) *Metafora v sisteme yazyka [Metaphor in the Language System]**. Saint Petersburg, Nauka Publ., Sankt-Peterburgskaya izdatel'skaya firma Publ., 150 p. (in Russian)
- Teliya V. N. (ed.) (1988) *Metafora v yazyke i tekste [Metaphor in Language and Text]**. Moscow, Nauka Publ., 174 p. (in Russian)
- Voevodina G. A., Turko U. I. (2018) Traditsionnaya "kartina mira" v yazykovoi metafore (na materiale sovremennykh pechatnykh SMI) [Traditional "Worldview" in Language Metaphor (By the Material of the Contemporary Print Media)], *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, no. 11-2 (89), pp. 305–309, doi: 10.30853/filnauki.2018-11-2.19 (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен авторами статьи / Translated by the authors of the article.